

УДК 159.96+801,7+81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61

Научная статья

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ¹

Норман Борис Юстинович

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация

Статья анализирует случаи раздвоения личности (диссоциативного расстройства идентичности) и их отражение в художественной литературе. Цель статьи – классификация различных ситуаций и выявление причин и предпосылок данного явления. Процесс расщепления сознания сопровождается определенными изменениями в речи индивида. Это касается выбора слов и грамматических форм (особенно форм категории лица). Собранный материал (тексты повестей, рассказов, стихотворений и киносценариев) дает основания для некоторых выводов. Основные предпосылки диссоциативного расстройства идентичности – это многогранность личности, возможность взгляда на нее «изнутри» и «извне», а также склонность индивида к постоянной оценке своих мыслей и поступков. В качестве причины («запускающего механизма») исследуемого явления может выступать перенесенное насилие, сильный стресс, внутренний дискомфорт и т.п. Автор показывает на литературных фактах случаи эндоскопического и экзоскопического распада идентичности. В последнем случае прослеживается связь с фрейдовским понятием «Идеала Я», включающим в себя наблюдателя. Затрагивается также тема двойников, очень популярная в искусстве, и соотношение автора литературного произведения с его псевдонимом.

Ключевые слова: раздвоение личности, художественная литература, персонаж, категория лица, психическое расстройство, эндоскопия, экзоскопия

*Я, говорит, не воин, я, говорит, раздвоен,
Я, говорит, расстроен, расчленен, распят!*

Н. Матвеева

Введение

Человек – сложное целостное образование, включающее в себя комплекс физических, интеллектуальных, моральных, эмоциональных свойств. Биологический пол человека не всегда соответствует его психологическим гендерным ощущениям, телесные возможности сплошь и рядом расходятся с духовными запросами, чувства могут быть в разладе с мыслями, а те – с поступками и т.д. Такая сложная природа человека

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

порождает противоречия в его сознании, поведении, этике. Эта проблема особенно волновала русских философов начала XX века: «Человек – <...> двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» [Бердяев 1939: 18].

Естественно, любая из этих антагонистических сторон может усиливаться или даже абсолютизироваться, заглушая и подавляя вторую. Речь идет об объективной психической сложности личности, формирующей ее характер: «...Личность состоит как бы из осколков различных характеров (частей, или радикалов). То есть человек может быть одновременно замкнуто-углубленным шизоидом и добродушным сангвиником, или одновременно педантичным ананкастом и капризным истериком. В общем, в какой-то степени каждый человек имеет в себе черты всех характеров...» [Руднев 2010: 174].

В глубине синдрома диссоциативного расстройства идентичности (или, проще, раздвоения личности) может лежать конфликт между прошлым и настоящим, между личным и общественным, между светским и религиозным и т.д.

В английском кинофильме «Отходная молитва» (режиссер М. Ходжис, сценарист Д. Хиггинс) интрига завязана на двойственном отношении католического священника к конкретному факту убийства. С одной стороны, пастор оказался невольным свидетелем преступления и хотел бы помочь правосудию. С другой стороны, убийца сразу после преступления успел исповедаться перед пастором и признаться в убийстве, и тот теперь связан обетом молчания (обязательством хранить тайну исповеди). Конфликт между чувством гражданского долга и соблюдением нерушимого христианского канона мучает священника и ищет своего разрешения.

Механизмом, который «запускает» такое состояние, может быть физическое или сексуальное насилие, сильный стресс, муки совести и т.п.: «диссоциативное расстройство идентичности возникает из-за комбинации факторов, которые могут включать травму, пережитую человеком с этим расстройством. Считается, что диссоциативный аспект – это механизм преодоления – человек буквально отключается или отделяется от ситуации или опыта, который слишком жесток, травматичен или болезнен для того, чтобы ассимилироваться с его сознательным я» [Goldberg 2014].

Раздвоение личности литературного героя

Синдром диссоциативного расстройства идентичности, при котором в сознании говорящего противоборствуют разные образы и точки зрения, многократно был объектом художественного описания. Самый, пожалуй, известный пример – это повесть Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), основанная на реальных фактах. Герои этого произведения – это, по сути, один человек, «расщепленный» на добрую и злую половины. Конкретной причиной для появления «множественной личности» может быть испытанное литературным героем нервное переживание, дискомфорт, стресс. Приведем три примера из русской литературы.

В первом случае чеховский герой, узнав о предстоящей свадьбе дочери, приходит в сильное волнение:

В нем уже сидело как будто бы два человека: один был настоящий Егор Семеныч, который, слушая садовника Ивана Карлыча, докладывавшего ему о беспорядках, возмущался и хватал себя за голову, и другой, не настоящий, точно полупьяный, который вдруг на полуслове прерывал деловой разговор, трогал садовника за плечо и начинал бормотать:

– Что ни говори, а кровь много значит... (А.П. Чехов. Черный монах).

А в следующей цитате персонаж М. Булгакова, поэт Иван Бездомный, потрясенный гибелью своего спутника, раздваивается в оценке произошедшего. Он «беседует сам с собой»:

– Но-но-но! – вдруг сурово сказал где-то, не то внутри, не то над ухом, прежний Иван Ивану новому. – Про то, что голову Берлиозу-то отрежет, ведь он все-таки знал заранее? Как же не взволноваться?

– О чем, товарищи, разговор? – возражал новый Иван ветхому, прежнему Ивану. – Что здесь дело нечисто, это понятно даже ребенку (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Третий пример. Герой повести Е. Водолазкина «Авиатор» просыпается после того, как провел в анабиозе (в замороженном состоянии) лет 80. И его потрясенное сознание раздваивается между началом XX века и самым его концом. Ощущения при этом удивительные, например:

Машины ездят забавные. Совсем не похожи на те, что были в мое время... Только теперь ведь и это время – мое...

Подобных примеров – множество, и не только в художественной литературе, но и в жизни, причем среди самих писателей. Свою роль играет здесь и психотип человека. Драматург Евгений Шварц так вспоминает о своем коллеге, одном из «обэриутов» Николае Олейникове:

Николай Макарович Олейников, человек демонический, был умен, силен, а главное – страстен. Со страстью любил он дело, друзей, женщин и по роковой сущности страсти – трезвел в положенный срок. И в ледяной и неподкупной трезвости своей ненавидел с той же силой, как только что любил. И в том, что овладевала им неизбежная трезвость, винил он тех, кого только что любил. Мало сказать – винил. Он их поносил, холодно и непристойно глумился над ними. По тем же роковым законам в состоянии трезвости находился он дольше, чем в состоянии любви или восторга» (Е. Шварц «Превратности характера»).

Строго говоря, диссоциативное расстройство может не ограничиваться дихотомическим расщеплением: в человеке может уместиться и большее количество разнородных или даже противоречивых «субличностей». Однако важно, что эти ипостаси во внутреннем мире индивида сосуществуют симультанно, а реализуются в поведении сукцессивно – чередуясь одна с другой. При этом после «переключения» человек оказывается неспособным вспомнить свои поступки в предыдущем состоянии. Исключением является описание поведения в ирреальной модальности: в таком случае говорящий одновременно находит у себя разные свойства. Два литературных примера:

Если бы я был женщиной, я бы вел себя совершенно иначе. Я был бы умный, обаятельный, юный, веселый и счастливый. У меня была бы куча поклонников, но при встрече со мной я бы растерялся и умолк. С этим не шутят. Я бы влюбился в меня и стал моей женой (М. Жванецкий. Если бы я был женщиной).

Надя (обижаясь). Ерунда! Представьте себя в его положении.

Лукашин. Я бы пригласил его, то есть в данном случае меня, за стол. Отлично посидели бы втроем...

Надя. Всё вы врётё!

Лукашин (улыбнулся). Конечно, вру! Я бы набил морду ему, то есть в данном случае мне (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Ирония судьбы, или С легким паром!).

Каждому человеку знакома ситуация «внутреннего диалога». Это разговор с воображаемым собеседником, служащий целям поиска оптимального решения, установления истины и выработки стратегии поведения. По словам Л.С. Выготского, «мы всегда знаем, о чем мы думаем. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях» [Выготский 1982: 342], а потому внутренняя речь с психологической точки зрения состоит из одних сказуемых. Но ни о какой деструкции личности здесь речь не идет; наоборот, разговор «с самим собой» позволяет человеку сохранить свою идентичность. Способность к анализу и синтезу разных мнений («с одной стороны...», «с другой стороны...»), допустимость разных оценок, внутренняя борьба эмоций – всё это, пока не выходит «наружу» и не становится «застревающим» фактором, – суть свойства гармонической личности.

Речевые признаки диссоциативного расстройства идентичности

Патологические же состояния психики находят, как известно, свое выражение и в особенностях речепроизводства. Некоторые из этих черт могут служить диагностирующими признаками психического нездоровья: излишняя болтливость, несвязность речи, неотвязное влияние звуковых ассоциаций, отклонения в использовании тех или иных лексико-грамматических классов слов и т.д., см.: [Лурия 1979: 271–290; Леонтьев 2003: 232–236; Dietrich 2007: 279–297 и др.]. Впрочем, некоторые авторы уточняют: «Если принимать в расчет только задаваемые нормативной грамматикой литературного языка классные характеристики лексем, не учитывая ни знаковых, ни контекстуальных закономерностей построения языка, то в речи даже безусловно психически больных людей не удастся выявить никаких особенных структурных изменений» [Спивак 1986: 16].

Не все исследователи признают диссоциативное расстройство идентичности патологией, но среди признаков этого состояния встречаются характерные странности самоназывания.

«Русский писатель Глеб Иванович Успенский (1840–1902) в последние годы жизни страдал душевной болезнью, сопровождавшейся расстройством речи. Свои собственные имя и отчество *Глеб Иванович* он расчленил на два независимых имени, обозначавших для него два отдельных существа: Глеб был наделен всеми добродетелями, а Иванович стал воплощением всех пороков Успенского. Лингвистический аспект этого раздвоения личности состоит в неспособности больного использовать два символа для обозначения одного и того же объекта; тем самым здесь мы имеем расстройство подобия» [Якобсон 1990: 129].

И далее исследователь говорит о проявляющейся в творчестве Успенского склонности к метонимии и к расчленению целостного литературного образа – к разбиению его на детали.

Сознательное расщепление личности на «хорошую» и «плохую» составляющую характерно и для маленьких детей. К. Чуковский рассказывает о многочисленных случаях, когда 2-3-летний малыш придумывал себе двойника (с другим именем), на которого списывал все свои ошибки и промахи [Чуковский 1965: 402–404].

Тема литературных двойников непосредственно соотносится с темой раздвоения личности. Появился даже специальный термин «двойничество» – как художественный прием, элемент поэтики, свойственный, в частности, творчеству М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А. Погорельского и других русских писателей. Двойник, или «тень» человека, концентрирует в себе качества, отсутствующие у оригинала, – это его семиотический антагонист, хотя внешне он может быть его копией.

Для литературоведения привычна и тема расщепления автора произведения на несколько «субличностей» или противопоставления «автор – рассказчик». Существует целая наука – нарратология – и типология нарраторов (рассказчиков) [Шмид 2003: 44–61]. В то же время известны примеры, когда писатель идентифицирует себя со своим литературным героем, расширяя пределы собственного опыта за счет элементов творческой фантазии (напомним признание Гюстава Флобера по поводу его героини: «Мадам Бовари – это я!»). И результатом такого системного взаимопроникновения оказываются произведения гибридного жанра, вроде «Дневника» Юрия Нагибина или «Ягодных мест» Е. Евтушенко.

У одного из «обэриутов», Константина Вагинова, есть произведение «Труды и дни Свистонова», герой которого воспринимает обстоятельства своей довольно праздной жизни как роман – и так их и описывает. Жизнь ли при этом становится романом или роман становится жизнью? Прочитав: «

Роман был окончен. Автору не хотелось больше притрагиваться к нему. Но произведение его преследовало. Свистонову начинало казаться, что он находится в своем романе.

И финал романа:

Где бы Свистонов ни появлялся, всюду он видел своих героев. У них были другие фамилии, другие тела, другие волосы, другие манеры, но он сейчас же узнавал их. Таким образом, Свистонов целиком перешел в свое произведение.

Очень показателен случай с немецким писателем Карлом Маем (1842–1912). Фантазер и авантюрист, автор многочисленных приключенческих романов (в том числе про вождя индейских племен Винету), пользовавшихся в свое время бешеной популярностью, Май утрачивал чувство реальности в своем творчестве. Вот как писал об этом известный немецкий психиатр К. Леонгард: «Вероятно, он вживался в свои образы вплоть до полного слияния с ними, а поэтому вряд ли лгал, когда представлялся нам под личиной славного Old Chatterhand. Можно сказать также, что в романах, написанных от первого лица, т.е. от лица Old Chatterhand, эта форма повествования перестает уже быть только литературным приемом. Он действительно сам становится своим героем. И вот на этой-то истерической почве и выростала его поразительная фантазия» [Леонгард 1981: 61].

Раздвоение личности как компонент фольклорных текстов

Представляет интерес отражение темы «раздвоение личности» и в фольклоре: это значит, что народное сознание обращает внимание на соответствующие факты. Но здесь мы имеем дело, как правило, или с волшебным превращением личности: лягушки в царевну, Золушки в красавицу на балу, чудища в прекрасного принца и т.д., или же – с «переодеванием», имитацией другой особы: волк притворяется козой (мамой козлят), а в другом случае – бабушкой Красной Шапочки, кот прикидывается слугой маркиза Карабаса, блудный сын под видом странника возвращается к отцу, а тот его не узнает («неузнанное прибытие», по типологии В.Я. Проппа) и т.п. Все эти сюжеты имеют глубокий семиотический аспект: смена функции, обман, испытание и т.п.

Не минует данная тематика и юмористических текстов. Существует целая серия анекдотов про внутренний голос, в которых данная ипостась «отчуждается» от тела, но лишается прогнозирующей способности, приписываемой ей молвой. Приведем примеры с сайта: <https://millionstatusov.ru/umor/vnutrennij-golos.html>:

Бывает, прислушаешься к своему внутреннему голосу. Ну такую чушь несет!

Иногда кажется, что человек сам с собой разговаривает. А у него просто внутренний голос случайно включился на громкую связь!

Внутренний голос чаще всего молчит, но весьма многозначительно, а потом тоже молчит, но уже злобно.

Не стоит особо прислушиваться к внутреннему голосу, он ведь снаружи никогда не был.

Приведем еще анекдот или, скорее, шутку, в которой, наоборот, тело «отбивается от рук», выходя из-под контроля:

За фигурой надо следить. Стоит отвернуться, а фигура уже что-то лопают!

Таким образом, раздвоение личности – чрезвычайно плодотворный инструмент в развитии литературного сюжета или фольклорного образа.

Дискуссия: Расщепленный взгляд на личность «изнутри» и «извне»

До сих пор шла речь в основном о случаях расщепления внутреннего мира изнутри, с точки зрения самого индивида: в его душе образуется дистанция между «Я₁» и «Я₂». Но наряду с такой «эндоскопической» ситуацией, диссоциативное расстройство идентичности может носить экзоскопический характер: это когда объективный, общественный образ человека не совпадает с его представлением о самом себе. Это – столкновение взгляда на личность изнутри («Я») и взгляда извне («Он»). И категория грамматического лица – самое наглядное в данном плане средство.

Столкновение применительно к одному индивиду этих двух позиций, нарушающее общепринятые коммуникативные стандарты, вполне допускается постмодернистскими текстами. Конечно, стереоскопическая иллюзия здесь создается искусственно, но средства при этом используются самые простые: местоименные и глагольные формы лица:

*Я был веселая фигура
А стал молчальник и бедняк
Работы я давно лишился
живу на свете кое-как ...
Зато я никому не должен
никто поутру не кричит*

*и в два часа и в полдругого
зайдет ли кто – а я лежит*

(Э. Лимонов. Я был веселая фигура...).

*Чем я, больной, так неприятен мне,
Так это тем, что он такой неряха:
На морде пятна супа, пятна страха
И пятна черт чего на простыне*

(Лев Лосев. Местоимения).

В лекции «Разделение психической личности» (1917) З. Фрейд высказал допущение, что «отделение наблюдающей инстанции от остального Я может быть в структуре Я закономерной чертой» [Фрейд 1999: 336]. Сопоставление взглядов на себя «изнутри» и «извне» легко приобретает оценочную окраску. Либо самооценка индивида оказывается выше общественной (это проявление естественного эгоцентризма), либо взгляд «извне», в силу его сравнительной объективности, кажется справедливее, чем внутренняя самооценка. Вот персонаж рассказа В. Набокова думает о себе в 3-м лице и не может удержаться от похвалы:

Он зажег свет, лег на кушетку и накрылся пальто. Почему-то было неудобно кисти левой руки. Ах, конечно, часы. Он снял их, завел, да еще при этом подумал: «Удивительная вещь, этот человек сохраняет полное хладнокровие. Он даже не забывает завести часы. Это хорошо» («Подлец»).

Ах, конечно, часы – это, хоть и не взятая в кавычки, прямая речь героя (точнее, его внутренняя речь). А рядом, уже в кавычках, – «Этот человек сохраняет полное хладнокровие» – оценка внутреннего антагониста, поднявшегося над реальной ситуацией.

У того же писателя есть и другие примеры подобной коллизии.

Марта Драйер, героиня повести В. Набокова «Король, дама, валет», заболевает (воспалением легких). В горячке ее сознание раздваивается, но со стороны она воспринимает свои действия спокойнее и позитивнее, чем «изнутри»:

Она слышала, как Марта Драйер что-то спрашивает, на что-то отвечает...

Она незаметно взяла Марту Драйер за левую кисть, нащупывая пульс...

Она заметила, что Марта тоже танцует, тоже держит шар...

Еще примеры перехода от одной позиции в оценке ситуации к другой – от «Я» к «Он», уже из новейшей литературы:

И я был не я, а худой отрок в периоде возмужания, с нервными движениями и блестящими глазами (Л. Зорин. Старая рукопись).

У меня началось раздвоение личности. Жизнь превратилась в сюжет. Я хорошо помню, как это случилось. Мое сознание вышло из привычной оболочки. Я начал думать о себе в третьем лице (С. Довлатов. Зона).

Он казался себе очень спокойным и взрослым. Поджимал губы, делал твердое лицо, рассматривал себя в оконном стекле, думал о себе разные вещи, смотрел, как он пускает дым и стряхивает пепел (А. Битов. Дверь).

Экзоскопическое представление о личности может получать в мировой литературе неожиданное предметное воплощение – такое, как изображение героя на холсте

(«Портрет Дориана Грея» О. Уайльда) или кусочек волшебной кожи («Шагреновая кожа» О. Бальзака). По сути, это инкарнация души индивида, его желаний и устремлений, но в силу своей материальности она доступна наблюдению и играет роль диагностирующего символа.

Итак, взгляд на себя «извне» может удовлетворять или не удовлетворять субъекта наблюдения. С одной стороны, в этом образе могут проявляться какие-то недостатки, а, с другой стороны, он может быть лучше, «приглаженной», чем хорошо известное субъекту «Я» внутреннее. Это порождает «конфликт хорошего с лучшим»:

«...В нашем “Я” развивается инстанция, которая может отделиться от другого “Я” и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее “Идеалом Я” и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидений и основное влияние при вытеснении. <...> Из влияний окружающего эта инстанция постепенно воспринимает требования, которые предъявляются к “Я” и которые оно не всегда может удовлетворить; но когда человек не может быть доволен своим “Я” он все же находит удовлетворение в “Идеале Я”, которое дифференцировалось из “Я”» [Фрейд 1991: 107].

Роль “Идеала Я” может играть литературный или исторический персонаж. Так Копенкин, герой романа Андрея Платонова, посвящает свою жизнь Розе Люксембург и соответствующим образом ведет себя:

– Роза! – уговаривал свою душу Копенкин и подозрительно оглядывал какой-нибудь голый куст: так же ли он тоскует по Розе. Если не так, Копенкин подправлял к нему коня и ссекал куст саблей: если Роза тебе не нужна, то для иного не существуй – нужнее Розы ничего нет (А.Платонов. Чевенгур).

В каком-то смысле воплощением “Идеала Я” является и внутренний голос, о котором шла речь в упомянутых выше анекдотах. Но анекдоты, в соответствии с традициями жанра, иронически снижают, дезавуируют эту функцию идеала.

Различая эндоскопическое и экзоскопическое раздвоение личности, необходимо признать, что эти две ситуации могут порождать друг друга, перетекать одна в другую: или какая-то из «субличностей» индивида закрепляется в общественном мнении, или же, наоборот, человек свыкается со своей внешней «личиною» и присваивает ее в качестве одной из составляющих своей личности.

Очень яркое проявление этой связи – литературные псевдонимы. Нередко писатель срастается со своей литературной маской настолько, что его истинное имя (и суть) забывается читающей публикой, да и сам он ощущает себя Максимом Горьким, а не Алексеем Пешковым, или Даниилом Хармсом, а не каким-то безвестным Ювачевым, см.: [Дмитриев 1977: 248–250 и др.].

Имя – не менее важный (и, во всяком случае, более распространенный) идентификатор человека, чем отпечатки пальцев или рисунок радужной оболочки глаза, см. подробнее: [Норман 2017: 17–32]. И вопрос о соотношении личности и имени, имеющий много аспектов, укладывается в более общую проблему «знак и предмет» (или «слово и денотат»), издревле волновавшую философов, теологов, герменевтиков, см.: [Рассел 1957: 91–127; Лосев 1990: 93–101; Фреге 1997: 354–357 и др.].

В центре этой тематики (которой предшествовала античная теория фюсей и тесей) находится дилемма: считать ли имя лишь этикеткой, внешним, относительно случайным признаком личности или же это реализация сущности человека, его неотъемлемая

часть? В таком случае каждая «субличность», как в вышеописанном случае с Глебом Успенским или с доктором Джекилом и Хайдом, требует своего названия! Напоминает об этом и классический диалог Винни-Пуха с Кроликом:

- *Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?*
- *Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Они знаешь какие с ним друзья!*

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

- *Так ведь это же я! – сказал он.*

- *Что значит «я»? «Я» бывают разные!*

– *Это «я» значит: это я, Винни-Пух!* (А.А. Милн. Винни-Пух и все-все-все. Пересказал Б. Заходер).

Самообозначение «Я» оказывается пустым шифтером, а имя *Винни-Пух* сразу все расставляет по своим местам.

Если имя – важный признак личности, то смена его должна свидетельствовать о внутренних, глубинных метаморфозах:

Быть может, с фамилией новой

Судьба моя станет иной.

И жизнь потечет по-иному,

Когда я вернусь домой

(Н. Олейников. Перемена фамилии)

Тожественность или нетождественность имени своему «хозяину» многократно обыгрывалась в художественной литературе. Очень показателен следующий пример. В рассказе Александра Грина «Загадка предвиденной смерти» тюремщик приходит к заключенному, приговоренному к смертной казни:

– *... Я изменяю долгу, но, жалея вас, пришел предостеречь от ненужных волнений. Вы казнены не будете, Эбергаиль.*

- *Я или Эбергаиль? – спросил тот, хитро прищуриваясь.*

- *Вы, Эбергаиль.*

- *Я, Эбергаиль. Очень хорошо. Дайте пить.*

Он поднес кружку к губам и расхохотался в воду, так что расплескал все.

(А. Грин. Загадка предвиденной смерти)

Личность здесь утратила связь со своим именем, и осужденному нужны определенные усилия, чтобы совместить эти две точки зрения.

Если человек отождествляет себя с историческим лицом или литературным героем, то это, конечно, свидетельство распада его психики, иными словами, сфера медицины. Но и в художественную литературу данная ситуация попадает – иногда, правда, в карикатурном виде, как в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Там пациенты сумасшедшего дома встречают новоприбывшего возгласами типа: «Я вице-король Индии! Отдайте мне любимого слона!» или «И ты, Брут, проданся большевикам!».

Перевоплощение в Наполеона или в Ивана Грозного требует от индивида соответствующих изменений речевого поведения. Так, заурядный управдом, обратившись в пьесе М. Булгакова «Иван Васильевич» в царя Иоанна Грозного,

прибегает к новым для себя оборотам речи: «*Не человеческим хотением, но божьим соизволением царь есмь!*» «*Отведай ты из моего кубка*», «*Пошто ты боярину обидел, смерд?*» «*Дьявол научиши ты долгому спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и исповедимым!*» и т.п. В этих репликах представлены лексические и грамматические старославянизмы, а первая из них – буквальное воспроизведение фрагмента Послания польскому королю Стефану Баторию (1581). Наряду с прекрасной физиогномикой актера (Ю. Яковлева), эти речевые метаморфозы были по достоинству оценены и многомиллионными зрителями фильма, снятого по пьесе Булгакова.

Многогранность личности составляет первую и важнейшую предпосылку для ее расщепления на несколько «субличностей». Вторая предпосылка – это нахождение человека в обществе, сопоставление внутренней самооценки с взглядом «извне». И, наконец, третья – это оценочный компонент, постоянно присутствующий в интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека.

Заключение

Синдром диссоциативного расстройства идентичности представляет собой, в первую очередь, объект изучения психологии и психиатрии. Но, поскольку он имеет речевые проявления, то интересует также лингвистов. В том числе ценнейший материал дают нам художественные произведения, фиксирующие две стороны данного явления: эндоскопическую (расщепление личности на «Я₁» и «Я₂») и экзоскопическую (расщепление личности в собственных глазах и в глазах общества – как «Я» и «Он»). Дистанция между этими «осколочными» вариантами личности может проявляться в особенностях мировоззрения, темперамента, эмоциональной сферы и т.д., но при этом очень часто сопровождается различием в оценке. При взгляде «извне» индивид склонен формировать в сознании некий недостижимый «Идеал Я», в роли которого может выступать историческая или литературная персона. Художественные и фольклорные образы помогают составить общественное представление о данном феномене.

© Норман Б.Ю., 2021

Литература

- Бердяев Н.* О рабстве и свободе человека. Paris: YMCA-PRESS, 1939. 222 с.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. В кн.: Выготский Л.С. Собрание сочинений. Том 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
- Дмитриев В.Г.* Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов). Изд. 2-е. М.: Наука, 1977. 313 с.
- Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев: Вища школа, 1981. 392 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл. – СПб.: Лань, 2003. 287 с.
- Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 269 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
- Норман Б.Ю.* Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург–Москва: Кабинетный ученый, 2017. 464 с.
- Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 555 с.

- Руднев В.* Введение в шизореальность. М.: Аграф, 2011. 224 с.
- Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986. 92 с.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Opera selecta. № 35. М., 1997. С. 352–379.
- Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я». В кн.: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 71–138.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции 16–35. СПб.: Алетейя, 1999. 500 с.
- Чуковский К.* От двух до пяти. В кн.: Чуковский К. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Худ. лит., 1965. С. 333–725.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- Юмор, анекдоты, приколы про внутренний голос [Электронный ресурс] URL: <https://millionstatusov.ru/umor/vnutrennij-golos.html> (дата обращения: 03.02.2001).
- Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / Арутюнова Н.Д. (сост.). М.: Прогресс, 1990. С. 100–132.
- Dietrich R.* Psycholinguistik. 2. Auflage. Weimar: J.B. Metzler, 2007. 330 p.
- Goldberg J.* Dissociative Identity Disorder (Multiple Personality Disorder). WebMD Medical Reference. WebMD (May 31, 2014). [Электронный ресурс] URL: <https://www.webmd.com/mental-health/dissociative-identity-disorder-multiple-personality-disorder#1> (дата обращения: 08.02.2021).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.02.2021

Дата принятия к печати: 12.03.2021

Сведения об авторе:

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета; ведущий научный сотрудник проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета.

Контактная информация:

220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4

6200083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

e-mail: boris.norman@gmail.com

Для цитирования:

Норман Б.Ю. Раздвоение личности с позиций психологии и лингвистики // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021, С.48-61. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61

UDC 159.96+801,7+81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61

Research article

PERSONALITY DISORDER IN TERMS OF PSYCHOLOGY AND LINGUISTICS

Boris Ju. Norman

Belarussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Abstract

The article analyzes cases of multiple personality disorder (dissociative identity disorder) and their reflection in fiction. The purpose of the article is to classify various situations and identify the causes and prerequisites for this phenomenon. The process of splitting consciousness is accompanied by certain changes in the individual's speech. This concerns the choice of words and grammatical forms (especially forms of the person's category). The collected material (texts of novellas, short stories, poems, and screenplays) gives grounds for some conclusions. The main prerequisites for dissociative identity disorder are the versatility of the personality, the ability to look at it "from the inside" and "from the outside," as well as the individual's tendency to constantly evaluate his thoughts and actions. Past violence, severe stress, internal discomfort, etc. can act as a cause ("triggering mechanism") of the phenomenon under study. The author shows cases of endoscopic and exoscopic disintegration of identity using literary facts. In the latter case, there is a connection with the Freudian concept of the "Ideal I", which includes an observer. The topic of doubles, which is immensely popular in art, and the relationship between the author of a literary work and his pseudonym are also touched upon.

Keywords: multiple personality disorder, fiction, character, category of the person, mental disorder, endoscopy, exoscopy

References

Berdyayev N. O rabstve i svobode cheloveka [On Slavery and Human Freedom]. Paris: YMCA-PRESS, 1939. 222 s. (In Russian).

Vygotskiy L.S. Myshleniye i rech' [Thinking and Speaking]. In: Vygotskiy L.S. Sobraniye sochineniy. Tom 2. Problemy obshchey psikhologii [Collected Works. Volume 2. Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., 1982. S. 5–361. (In Russian).

Dmitriyev V.G. Skryvshiye svoye imya (iz istorii anonimov i psevdonimov) [Hidden their Names (from the history of anonymous and pseudonyms)]. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 1977. 313 s. (In Russian).

Leongard K. Akcentuirovannye lichnosti [Accentuated Personalities]. Kiev: Vishha shkola Publ., 1981. 392 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl Publ.–Sankt-Petersburg: Lan' Publ., 2003. 287 s. (In Russian).

Losev A.F. Filosofija imeni [Philosophy of the Name]. Moscow: Moscow University Publ., 1990. 269 s. (In Russian).

Lurija A.R. Jazyk i soznanie [Language and Consciousness]. Moscow: Moscow University Publ., 1979. 320 s. (In Russian).

Norman B.Ju. Pragmaticheskij potencial russkoj leksiki i grammatiki [The Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Ekaterinburg– Moscow: Kabinetnyj uchenyj Publ., 2017. 464 s. (In Russian).

Rassel B. Chelovecheskoe poznanie, ego sfera i granicy [Human Cognition, its Scope and Boundaries]. Moscow: Publishing house for foreign literature, 1957. 555 s. (In Russian).

Rudnev V. Vvedenie v shizoreal'nost' [Introduction to Schizoreality]. Moscow: Agraf Publ., 2011. 224 s. (In Russian).

Spivak D.L. Lingvistika izmenennyh sostojanij soznanija [Linguistics of Changed States of Consciousness]. Leningrad: Nauka Publ., 1986. 92 s. (In Russian).

Frege G. Smysl i denotat [Sense and denotation] // Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics]. Opera selecta. No. 35. Moscow, 1997. S. 352–379. (In Russian).

Freud Z. Massovaja psihologija i analiz chelovecheskogo «Ja» [Mass psychology and analysis of the human «I»]. In: Freud Z. «Ja» i «Ono». Trudy raznyh let [«I» and «It». Works of different years]. Vol. 1. Tbilisi: Merani Publ., 1991. S. 71–138. (In Russian).

Freud Z. Vvedenie v psihoanaliz [An Introduction to Psychoanalysis]. Lekcii 16–35. Sankt-Petersburg: Aleteja Publ., 1999. 500 s. (In Russian).

Chukovskij K. Ot dvuh do pjati [From two to five]. In: Chukovskij K. Sobranie sochinenij v shesti tomah [Collected works in six volumes]. Vol. 1. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1965. S. 333–725. (In Russian).

Shmid V. Narratologija [Narratology]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 s.

Jumor, anekdoty, prikoly pro vnutrennij golos [Humor, anecdotes, jokes about the inner voice] [Electronic source] URL: <https://millionstatusov.ru/umor/vnutrennij-golos.html> (retrieval date: 03.02.2001) (In Russian).

Jakobson R. Dva aspekta jazyka i dva tipa afaticheskix narushenij [Two aspects of language and two types of aphatic violations] // Teorija metafory [Theory of Metaphor] / Ed. by N.D. Arutjunova. Moscow: Progress Publ., 1990. S. 100–132. (In Russian).

Dietrich, R. (2007) Psycholinguistik. 2. Auflage. Weimar: J.B. Metzler. 330 p. (In German).

Goldberg, J. (2014) Dissociative Identity Disorder (Multiple Personality Disorder). WebMD Medical Reference. WebMD (May 31, 2014) [Electronic source]. URL: <https://www.webmd.com/mental-health/dissociative-identity-disorder-multiple-personality-disorder#1> (retrieval date: 08.02.2021).

© Norman B.Ju., 2021

Article history:

Received: 11.02.2021

Accepted: 12.03.2021

Bionotes:

Norman Boris Ju. – Doctor of Philology, Professor, Department of Slavonic and Theoretical Linguistics, Belarussian State University; Leading Researcher at Special Laboratory of Computer Lexicography, Ural Federal University

Contact information:

4 Nezavisimosti Ave., Minsk, Republic of Belarus, 220030

51 Lenin ave., Ekaterinburg, Russia, 620083

e-mail: boris.norman@gmail.com

For citation:

Norman B.Ju. Personality Disorder in Terms of Psychology and Linguistics // Journal of Psycholinguistics №1(47) 2021, P. 48–61. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61